

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

(Н И У « Б е л Г У »)

**ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СУДЕБНОГО
ДИСКУРСА**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика
очной формы обучения,
группы 04001516
Желябовской Софии Юрьевны

Научный руководитель
доц., к.ф.н.
Воробьева А.Е.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Судебный дискурс как объект лингвистического исследования	5
1.1. Общее понятие дискурса.....	5
1.2. Судебный дискурс как разновидность юридического дискурса.....	9
1.3. Жанры судебного дискурса.....	14
1.4. Дистинктивные характеристики судебного дискурса.....	18
Выводы по Главе 1	23
Глава 2. Реализация речевого воздействия в англоязычном судебном дискурсе.	25
2.1. Речевое поведение стороны обвинения.	25
2.2. Речевое поведение стороны защиты: стратегии и тактики воздействия	32
2.3. Роль судьи в судебном дискурсе	38
2.3.1. Особенности речевого поведения судьи.....	39
2.3.2. Перекрестная интеракция в триаде «сторона обвинения -судья-защита».....	41
2.4. Клише, используемые в зале суда	46
Выводы по Главе 2	54
Заключение	57
Список литературы	60

Введение

Настоящая выпускная квалификационная работа посвящена изучению судебного дискурса, его основных положений, а также речевого поведения триады «сторона обвинения-судья-защита». Кроме того, рассмотрены клишированные фразы, используемые в суде для передачи официально-делового тона общения.

Актуальность данной работы обусловлена постоянным интересом лингвистов к речевому воздействию участников судебного процесса ввиду значительного влияния на выносимые решения в суде, а также наличием у всех сторон высокой коммуникативной компетенции.

Объектом исследования выступают судебные дела и речевые тактики участников судебного процесса, оказывающие влияние на адресата.

Предметом исследования являются прагматические особенности речевого поведения триады «сторона обвинения-судья-защита» в англоязычном судебном дискурсе.

Новизна исследования заключается в том, что особенности англоязычного речевого поведения всех сторон в зале суда ранее не являлись предметом отдельного исследования и, на наш взгляд, представляют большой интерес с точки зрения его функциональных характеристик.

Теоретической базой исследования послужили труды таких ученых, как Дубровская Т.В., Т.А. ван Дейк, Крапивкина О.А, Палашевская И.В, Солдатова А.А. и многих других.

Цель настоящей работы заключается в выявлении прагматических особенностей англоязычного судебного дискурса и рассмотрении стратегий и тактик, используемых участниками судебного заседания.

Поставленная цель обуславливает постановку следующих задач:

1. Дать определение дискурсу и изучить различные подходы к его дефиниции.
2. Описать отличительные особенности судебного дискурса как подвида юридического дискурса.
3. Выявить наличие жанров и дистинктивных характеристик судебного дискурса.
4. Определить, какое коммуникативное влияние оказывает каждый оратор на адресата.
5. Выявить и рассмотреть языковые средства, используемые при реализации стратегий и тактик триады «сторона обвинения-судья-защита».

В качестве методов исследования были использованы, контекстуальный и описательный методы, а также метод функционально-прагматического анализа.

Структурно работа состоит из введения, теоретической и практической глав с последующими выводами к каждой из них, заключения и списка литературы.

Глава 1. Судебный дискурс как объект лингвистического исследования

1.1. Общее понятие дискурса

Дискурс является одним из множества понятий, которое обладает многогранностью и противоречивостью. Большое количество дисциплин так или иначе связано с изучением дискурса. Например, такие дисциплины как педагогика, лингвистика речи, культурология, психолингвистика, юриспруденция, и др. Но каждая научная дисциплина рассматривает дискурс с учетом специфики предмета.

Discourse, от лат. *discursus* определяется как движение взад-вперед; беседа, речь, процесс языковой деятельности; возможность говорения. Данное понятие представляется одним из сложных для дефиниции. Но, тем не менее, является часто употребим и удобным с функциональной точки зрения.

С момента появления термина «дискурс», оно обладало значением «речь вообще» или «текст» в лингвистике. Считается, что дискурс и его теория берут свое начало из концепции Э.Бенвениста, который определил дискурс «как речь, присваиваемую говорящим», проведя границу между планом повествования и планом языка. Абсолютно такое же мнение на эту тему имел Л.В. Щерба, разделив дискурс на язык как система и способность, а также речевая деятельность/материал.

С момента проведения исследований на тему изучения организации текста связной речи велись дебаты относительно определения термина для объекта исследования, а также области лингвистики, изучающей текст. На первых порах многие ученые считали термин «лингвистика текста» не совсем подходящим для определения текста как связной речи, и это привело к использованию некоторыми исследователями термина

«дискурс». Полисемичность термина «дискурс» зафиксирована в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Николаевой: «Дискурс - многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них:

- 1) связный текст;
- 2) устно-разговорная форма текста;
- 3) диалог;
- 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу;
- 5) речевое произведение как данность - письменная или устная» (Николаева, 1978: 480).

Возникновение теории дискурса выступило скачком в развитии науки о языке и заставило исследователей дать лингвистическую трактовку дискурсу. Теория дискурса возникла в рамках лингвистики текста и никогда не теряла связи с ней, но последовательно шла к разграничению предмета своего исследования, понятий «текст» и «дискурс».

Дефиниция термина лингвистики текста «дискурс» не ограничилась рамками текста и «стала включать в себя перечисление условий, в которых этот текст актуализируется» (Миронова, 1997: 158). В данном случае целесообразно вспомнить определение дискурса, предложенное Т.А. Ван Дейком, которому принадлежит лидирующее место в трактовании данного термина: «дискурс - это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» (Ван Дейк, 1989: 4-5). Следует заметить, что данное определение послужило отправной точкой для многочисленных лингвистических исследований текста современного периода.

Т.А. Ван Дейк также определяет дискурс как социальное явление: «дискурс - это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей, как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» (Ван Дейк, 1998: 47).

В современной лингвистике дискурс трактуется весьма неоднозначно. При детальном рассмотрении этого термина, Д. Шифрин выделила три подхода к его определению:

1. Формально-ориентированная лингвистика рассматривает дискурс как язык, находящийся выше по уровню словосочетания либо предложения.
2. Функциональная лингвистика рассматривает дискурс с точки зрения изучения всевозможного варианта употребления языка. Используя данный подход, в дискурсе исследуются все функции его форм и элементов.
3. Взаимодействие форм и функций определяют дискурс как высказывание, предполагая, что дискурс — этообщая сумма всех речеупотребительных единиц.

Дискурс по мнению многих исследователей является ключевым явлением человеческой жизни «в языке». Так, Б.М. Гаспаров определяет его как любое использование языка" от научно-популярных текстов до словосочетания в диалоге между собеседниками. При этом каждая сказанная или написанная фраза наполнена человеческим опытом, в котором отражается уникальное стечение обстоятельств.

К этим обстоятельствам относятся:

- «1) коммуникативные намерения автора;
- 2) взаимоотношения автора и адресатов;
- 3) всевозможные «обстоятельства», значимые и случайные;
- 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано;
- 5) жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается;
- 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия»(Гаспаров, 1996: 9).

1.2. Судебный дискурс как разновидность юридического дискурса

Рассмотрев понятие «дискурс» с разных точек зрения, можно прийти к выводу, что юр. дискурс является суммой всех текстов на одну тематику (право, закон), а также текстов, обладающих единой концепцией. Такие исследователи, как В. И. Карасик и Н. Н. Миронова выделяют судебный дискурс в отдельный вид дискурса. По мнению В. И. Карасика, юридический дискурс является «частью институционального, или статусно-ориентированного, типа дискурса, который предполагает общение в строго заданных рамках статусно-ролевых отношений» (Карасик, 2000: 5).

Некоторые исследователи отмечают персональный дискурс как противопоставление институциональному, поскольку участники персонального дискурса обладают свободой в самовыражении, но при этом, находясь в равных условиях, не имеют ограничений в ходе речи. (Карасик, 2000:14).

Как уже отмечалось ранее, В.И. Карасик выделяет институциональный дискурс. Для этого исследователь использовал два признака: цели и участники общения. Говоря о цели, следует отметить, что в данном виде дискурса целью является абсолютное повиновение закону, а также совершение различных действий только в соответствии с законом. Адвокаты (адепты института правосудия) и клиенты являются представителями и основными участниками институционального дискурса.

Юридический дискурс в той или иной мере присутствует во многих сферах человеческой деятельности. В современном обществе

частовозникают различного рода ситуации, связанные с темой закона и права. (Карасик, 2000: 20).

На базе классификации юридического языка дискурса, рассмотрим внутреннюю структуру:

- 1) «язык законов;
- 2) язык судебных решений;
- 3) язык юридической науки и экспертиз;
- 4) язык ведомственного письменного общения: формуляры, памятки и т.д.;
- 5) административный жаргон: неофициальное обсуждение юридических вопросов специалистами»(Мушнина, 2004: 23).

Основываясь на выше сказанном, можно предположить, что юридический дискурс может быть разделен на подтипы/субдискурсы, которые рассматривают более детально другие сферы. Так, в юридическом дискурсе можно выделить судебный, и далее, поскольку наша работа целиком связана с функционированием судебного дискурса, мы будем рассматривать именно его.

На сегодняшний день судебный дискурс определяется как коммуникативное или канцелярское проявление в зале суда. Поскольку судебный дискурс является частью юридического, то он также является институциональным. Если говорить об участниках судебного дискурса, то они немного отличаются от юридического, а именно в нем присутствуют как представители института правосудия, так и представители заинтересованной общественности. Коммуникативный аспект между участниками дискурса основан на нормах института юстиции.

Если рассматривать тему судебного дискурса, как компонент институционального дискурса, то она определяется обстоятельствами и условиями дела, которое рассматривается в ходе заседания.

По мнению Т.В. Дубровской, судебный дискурс представляет собой «вербальнознаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» (Дубровская, 2010: 10).

Наличие вышеупомянутых аспектов в судебном дискурсе возможно благодаря законному и правовому обеспечению. Кроме этого, на эти аспекты влияют моральные установки, принятые в обществе.

Поскольку судебный дискурс многогранен, следует отметить, что в нем выделяют такие функции как инвариантные и производные. Интересно, что каждая из этих функций также подразделяется на множество различных функций.

Так, например, в инвариантной функции выделяют регулятивную и перформативную функции. Они отвечают за взаимодействие между институтом и обществом, а также способствуют речевым практикам общественности соответственно.

Предложенные функции являются конститутивными, и их взаимосвязь отражает базовую для юридического дискурса дихотомию: норма – факт.

Если рассмотреть производную функцию судебного дискурса, то следует отметить, что она более обширная, так как в ее состав входит 6 других функций: информативная, интерпретивная, кумулятивная, презентативная, стратегическая, кодовая. Палашевская И.В. в своих трудах рассмотрела каждую из них более подробно:

«1) информативная, задача которой заключается в создании, передаче и ретрансляции смыслов, входящих в предметную область регулятивных процессов институциональной деятельности;

2) интерпретативная, которая передает смысл коммуникативных действий и правовых документов – текстов – «следов» коммуникативных действий в институциональной реальности;

3) кумулятивная, формирующая «институциональную память»;

4) презентативная, создающая образ института и его агентов, а также авторитета права;

5) стратегическая, которая выражается с помощью выбора юридически правильных коммуникативных поступков при исполнении институциональных целей;

6) кодовая, создающая специальный язык для оперативного исполнения целей институциональной деятельности, а также устанавливающая границы между агентами и клиентами дискурса (дистанционная)»(Палашевская, 2012: 346).

Многие исследователи, при рассмотрении судебного дискурса, выделили такие структурные единицы как:

1) речевой поступок рассматривая его как всеохватывающее воплощение институционально обусловленной интенции и часть международной программы участия субъекта в дискурсе;

2) интеракцию – диалогическую корреляцию минимальной пары коммуникативных действий:

3) дискурсивную сцену – сумма всех ситуаций, определяющих взаимоотношения поступающих субъектов;

4) дискурсивный цикл – последовательность речевых поступков, объединённых общей целью.

Интернациональный аспект находится во главе, позволяя организовать деятельность, а также объединить ее единицы в структурированный список различных уровней, при этом выявляя синтаксис юридически релевантных интенций. Рассмотрев судебный спор,

важно отметить, что значимой интенцией обладают именно те, для реализации которых одной стороне требуется угрожать противоположной благоприятным исходом в достижении своей цели, которая не совместима с целью противника. Коммуникативные поступки стороны по делу образуют историю ее участия в дискурсе. Стороны обращаются к фрагментам этой «истории» при обосновании своих позиций, а суд – при обосновании своего решения.

1.3. Жанры судебного дискурса

Взаимодействие всех участников судебного дискурса можно представить как последовательную цепь структурных элементов. Коммуникативные средства, а именно набор речевых возможностей, образуют связь между нормативно-ценностными элементами и ситуативными элементами. Связь этих элементов способствует образованию жанровых форматов взаимодействия правовых субъектов.

Жанр в качестве дискурсивной единицы представляет собой стереотипную речевую конструкцию, типовую модель общения, которая обладает определенной степенью автоматизированности (Палашевская 2010: 28). Жанровые модели в институциональном дискурсе рассматриваются как нормативно обусловленные, структурированные и институционально закрепленные (в виде законов и постановлений) последовательности типов речевых действий, которыми располагают участники взаимодействия в той или иной ситуации. Однако стереотипность, структурированность и закрепленность вовсе не означают, что все институциональные коммуникативные взаимодействия исполняются четко по жанровым схемам. Участники дискурса в соответствии с ситуативными и ценностно-нормативными элементами выбирают необходимые им типы высказываний. Тем не менее, несмотря на то что индивидуальные версии жанровых формул обладают уникальными и неповторимыми свойствами, в конечном счете, они должны способствовать воплощению устоявшейся дискурсивной формы.

В судебном дискурсе выделяют следующие жанры:

- 1) жалоба;
- 2) судебное решение;
- 3) особое мнение судьи.

Рассмотрим каждое из них подробнее. По определению Крапивкиной О.А. жалоба — это «письменное обращение в суд с жалобой на притеснение/нарушение прав индивидов или их группы. Жалоба представляется в виде логической схемы аргументации, а именно: тезис-блок аргументов–следствие»(Крапивкина, 2012: 221).

Являясь частью судебного дискурса, жалоба выполняет несколько функций одновременно. Сначала выполняется информативная функция, несущая информационную нагрузку, поскольку показывает положение дел и информирует суд о происходящем. Далее идет эмотивная функция с помощью которой выражается возмущение и отрицательное отношение некоторых индивидов. И последняя, но не менее важная функция, это призывно-побудительная, благодаря которой жалобу рассматривают в качестве позова к действию с целью проинформировать суд о нарушениях и призвать его к принятию мер.

Далее рассмотрим судебное решение. Крапивкина О.А. определяет судебное решение как «акт суда, вынесенный в результате разбирательства судебного дела и влекущий определенные юридические последствия» (Крапивкина, 2012: 72).

Основываясь на вышесказанном определении, и других исследованиях можно выделить следующую структуру судебного решения:

- 1) вопросы факта (информация о предмете судебного разбирательства);
 - 2) вопросы права (юридическая оценка определенных судом фактов, основанная на всестороннем, независимом исследовании);
 - 3) правовая позиция судьи (решение судьи, сложившееся на основании проведенного исследования вопроса факта и права)
- (Крапивкина, 2012: 222).

В судебном решении судья выражает свое мнение, которое закреплено на законодательном уровне. Однако существуют границы этого решения, которые ограничиваются законом и практикой экспертного сообщества. Существует универсальный принцип создания судебного решения - интертекстуальность. Этот метод способствует обеспечению связи и легитимности документов. Каждое последующее судебное решение появляется благодаря предыдущим правовым опытам, а также уже достигнутым ранее правовым результатам регулирования. Текст судебного решения, который не сопоставлен с другими текстами и документами судов, скорее всего не получит признание и окажется легитимирован в правовой системе.

Поскольку судебное решение имеет достаточно комплексную речевую и прагматическую организацию, то оно, т.е. судебное решение, направлено на выполнение следующих функций:

«1) прескриптивной – программа предписания совершения определенных действий адресатом, реализуемая с помощью средств модальности;

2) информативной – сообщение о вынесенном решении;

3) аргументативной – обоснование вынесенного решения;

4) декларативной – провозглашение и продвижение определенных принципов и идей» (Крапивкина, 2014: 222).

Последний выделяемый жанр судебного дискурса – особое мнение судьи. Изучив различные исследования, мы пришли к выводу, что данный жанр обычно разделяют на особое мнение согласия и особое мнение несогласия.

Особое мнение согласия заключается в абсолютном соглашении с конечным решением, однако возможны изменения, дополнения в часть

этого решения. Если рассмотреть особое мнение несогласия, то здесь судья абсолютно не согласен с решением, а также может выражать экспрессию.

Хотелось бы отметить, что существуют различия между судебным решением и особым мнением судьи, поскольку в судебном решении выражается позиция суда, субъект которого также является участником этого заседания; а в особых мнениях выражается независимая точка зрения. В дополнение следует отметить, что в то время, как в судебном решении распоряжение/приговор выносится, основываясь на рациональном и логическом компонентах, а в особых мнениях возможно допущение экспрессивности.

Субъектом в особом мнении выступает автономная личность, которая обладает свободой в построении дискурса, служащего для него пространством выражения индивидуальности.

Если соотнести роли судьи как субъекта судебного решения и как субъекта особого мнения, то данное соотношение будет выглядеть как факт индивидуального самовыражения против факта институционально-ролевой детерминированности.

1.4. Дистинктивные характеристики судебного дискурса.

Главной составляющей судебного дискурса, безусловно, является язык права, а язык права оперирует сложными, многомерными и специфическими понятиями. Поэтому, чтобы изучить языковые особенности судебного дискурса, необходимо обратиться к особенностям правового языка. Язык права или судебный язык – это особый языковой стиль официального языка, задача которого заключается в нормативном регулировании человеческого поведения. Судебный язык отличается стилевой многоплановостью. Как отмечает О.В. Косоногова, судебный язык – это язык закона, нормативных и процессуальных актов предварительного расследования и судопроизводства; это устная публичная речь, представленная выступлениями прокурора и адвоката в ходе судебного заседания, объявлением судьей судебных решений, публичными лекциями на правовую тему; это язык судебно-медицинского эксперта при составлении заключения судебной экспертизы; кроме того, это язык науки, так как юриспруденция представляет собой совокупность наук о праве, таких как уголовное право, международное право и другие (Косоногова, 2016).

Несмотря на разнообразие подстилей судебного языка в целом обладает рядом важных качеств. Так, В.Б. Исаков прежде всего выделяет точность и ясность, говоря, что слова и термины должны использоваться в строго определенном смысле, а грамматические конструкции – исключать двусмысленность. Однако качество нейтральности совершенно не подходит языку такого подтипа юридического дискурса, как судебный дискурс, особенно американскому судебному дискурсу, где действует система состязательности сторон, и каждая сторона стремится убедить профессиональных судей, присяжных и свободных слушателей в правоте своей позиции.

Отличительной особенностью судебного языка является наличие специальных лексических единиц – терминов, которые могут быть понятны только ограниченной группе профессионалов в области юриспруденции, что способствует сохранению смысловой определенности юридического языка. Юридические термины определяются как «...слова (или сочетание слов), которые являются наименованиями определенных юридических понятий» (Томахин, 2001: 576), или как «...слово или словосочетание, которое употреблено в законодательстве, являясь обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличающееся смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» (Пиголкин, 1990:65).

Е.С. Максименко выделяет следующую систему терминов, которая сформировалась в профессиональном языке правовой сферы:

- * термины, обозначающие отрасли права
- * термины со значением лица
- * термины, обозначающие правовые институты
- * термины, обозначающие правовые документы
- * термины, обозначающие права и обязанности
- * термины, обозначающие преступления и правонарушения
- * термины, обозначающие этапы судопроизводства и правовые нормы
- * термины, обозначающие виды наказаний (Максименко, 2002).

Однако состав профессионального судебного языка не ограничивается лишь терминами. В его состав также входят общелитературная лексика, профессионализмы, жаргонизмы, клише и штампы.

К общеупотребительным и общелитературным словам судебного языка относятся слова, которые не являются юридическими или судебными терминами, но которые в судебном дискурсе обозначают

понятия, относящиеся к сфере юриспруденции и имеющие эмоциональный и оценочный признаки значения, например, *преступник, исполнитель, свидетель*.

Под профессионализмами принято понимать слова или сочетания слов, свойственные речи той или иной профессиональной группы. Профессионализмами являются полуофициальные слова, которые получили распространение исключительно в разговорной речи представителей определенной профессии. Профессионализмы используются для экономии речевых усилий, например для сокращения формулировки термина, а также для выражения оценочного отношения и образной характеристике предметов. От термина профессионализм отличает его неофициальность, кроме того, термины стилистически нейтральны, они не обладают образностью и эмоциональной окрашенностью. Тем не менее, профессионализмы имеют шанс войти в официальную систему терминов при определенных условиях. Например, когда они получают широкое распространение, теряют экспрессивность, и в итоге переходят в разряд терминов, закрепившись в нормативно-правовых актах. Чаще всего это связано с появлением новых реалий и отсутствием для них обозначения в терминологии. Примером перехода от профессионального сленга к термину является выражение *«отмывание денежных средств»*.

Жаргонизмы отличаются от профессионализмов большей степенью экспрессивности. Для этой лексики характерна яркая эмоциональная окраска, а зачастую и сниженная, грубая экспрессия. Жаргону также приписывают функцию конспиративной коммуникации, однако, в случае с профессиональным жаргоном следует говорить не столько о конспирации, сколько об идентификации. Использование жаргонизмов в качестве слов-маркеров делает речь профессионала узнаваемой для коллег. Несмотря на то, что жаргон характерен в основном только для представителей

юридических профессий, некоторые жаргонизмы часто переходят в народный лексикон, особенно это касается жаргонизмов, которые носят шуточный характер. Таким образом, профессиональный жаргон по сравнению с профессионализмами является более экспрессивным, часто с оттенком сниженной экспрессии, вариантом языка, с возможной дополнительной функцией профессиональной идентификации (Чуфарова, 2018: 9-14).

К клише относятся застывшие выражения, которые воспроизводятся целиком всеми носителями языка. В юридическом и судебном языках клишированными считаются устойчивые единицы юридического характера, которые являются необходимыми элементами нормативных и процессуальных актов и которые способствуют краткому и однозначному выражению мысли. К юридическим клише относятся, например, такие предикативные единицы как *обвинение предъявлено*, *виновность доказана*, глагольно-именные конструкции *признать потерпевшим*, *возбудить уголовное дело*, составные термины *очная ставка*, *предварительное слушание* и др.

Клише необходимо отличать от штампов, так как штампы воспринимаются как негативное явление, потому что зачастую они используются неуместно, лишены эмоционально-экспрессивной окраски и грамматически неправильны. В профессиональной речи штампы чаще всего возникают в результате избыточных словосочетаний, которые образуются из-за стремления к уточнению каких-либо обстоятельств. Примером штампов могут служить выражения *«следователь следственного отдела»*, *«из уголовного дела по обвинению»*. Исходя из этих примеров, можно сказать, что штампы – это ошибочно соединенные слова, которые неточно выражают мысль.

При этом судебный дискурс не оторван от жизни, не является чем-то сугубо научно-теоретическим. В данном типе дискурса регулярно

встречаются элементы смежных типов дискурса, например, единицы бытового дискурса (Пыж, 2005). Также судебный текст может включать элементы художественности.

Несмотря на это, в целом судебный язык характеризуется средней степенью формализации: он весьма точен и ригиден в своей семантике вследствие необходимости предельно ясного и однозначного описания обстоятельств дела в категориях закона (Пыж, 2005).

Выводы по Главе 1

Изучив множество исследований и споров на тему «что такое дискурс», мы выяснили, что каждая наука и научное направление имеет свою трактовку. Благодаря таким известным исследователям, как Т.А. Ван Дейк и Д. Шифрин, внесшим свой вклад в лингвистику, дав четкое определение дискурсу сегодня мы имеем конкретное определение этого понятия.

Рассмотрев юридический дискурс и его основные составляющие, мы пришли к выводу, что судебный дискурс является частью юридического дискурса. К участникам судебного дискурса относят: представителей института правосудия (судья, адвокат, прокурор) и представителей заинтересованной общественности: сторона обвинения, сторона защиты, сторонние свидетели. Т.В. Дубровская дала четкое понятие судебного дискурса, с которым нельзя не согласиться: «судебный дискурс — это вербально знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» (Дубровская, 2010: 10).

Ознакомившись с работами исследователей, мы выяснили, что судебный дискурс обладает функциями: инвариантная и производная. Инвариантная функция в свою очередь подразделяется на: регулятивную и перформативную. Обе эти функции отражают базовую для юридического дискурса дихотомию: норма – факт. Говоря о производной функции судебного дискурса, она подразделяется на: информативную, интерпретативную, кумулятивную, презентативную, стратегическую и кодовую.

В дополнении хотелось бы отметить, что в судебном дискурсе были выявлены жанры, которых насчитывается 3: жалоба, судебное решение,

особое мнение судьи. Каждый из этих жанров обладает персонализированными свойствами, функциями и характеристиками.

При изучении судебного дискурса мы столкнулись с таким понятием, как судебный язык. Выяснив, мы узнали, что судебный язык является устной публичной речью, а также языком судебно-медицинского эксперта при составлении заключения судебной экспертизы. Более того, в судебном языке также есть термины, имеющие собственную классификацию, а также профессионализмы, жаргонизмы, клише и штампы. Использование этих речевых конструкций указывает на то, что без их употребления и без поддержания официально-делового стиля общения в стенах суда существование судебного языка невозможно.

Глава 2. Реализация речевого воздействия в англоязычном судебном дискурсе

2.1. Речевое поведение стороны обвинения

Прокурор в суде выступает как государственный обвинитель, который обязан поддерживать государственное обвинение и отстаивать интересы государства и граждан. Правовая оценка деяния, основанная на фактических обстоятельствах, а также указание на человека, которому предъявляется обвинение входят в обвинение [Еникеев 2005:487].

Главной целью обвинения является разоблачение преступника, а также выявление и осуждение условий, сопутствующих совершенному преступлению. М.И. Еникеев утверждает, что «это не означает, что деятельность прокурора характеризуется только обвинительным уклоном. Основные критерии его деятельности и речи в суде - объективность и фактическая обоснованность» (Еникеев 2005: 487).

Основой речи прокурора считается система неопровержимых доказательств. Именно поэтому в обвинительной речи крайне редко встречаются такие элементы, как нервозность, резкость, пустословие. Как отмечалось А.Ф. Кони, сторона обвинения должна быть беспристрастной в деле подсудимого, они не имеют права преувеличивать значение доказательств вины, представлять дело в одностороннем виде, а также извлекать из дела только разоблачающие подсудимого обстоятельства (Еникеев 2005: 62).

По мнению А.Ф. Кони сторона обвинения, т.е. прокурор, обязана уметь говорить на публике, знать все точности и подробности предмета, о котором она говорит, при этом зная все положительные и отрицательные свойства. Кроме этого, необходимо знать родной язык и его законы, уметь применять гибкость, многогранность и различные его обороты (Кони 1967:

142-144). Следовательно, можно сделать вывод, что: «необходимо доказывать и убеждать, необходимо склонять слушателей присоединиться к своему мнению» (Кони 1967: 21).

В обвинительном дискурсе для его реализации прокурор прибегает к использованию таких стратегий как:

1. Стратегия обвинения
2. Стратегия эмоционального воздействия.

Стратегия обвинения в свою очередь включает различные тактики, а именно:

1. отрицательная характеристика подсудимого
2. констатация фактов, доказывающая виновность подсудимого
3. дискредитация показаний подсудимого или свидетелей защиты
4. преувеличение тяжести совершенного преступления, описание наиболее шокирующих деталей преступления
5. тактика цитирования (Никифорова 2013: 10).

Если говорить о стратегии эмоционального воздействия, то она также состоит из нескольких тактик:

1. самопрезентация
2. комплимент
3. имитированный диалог
4. создание «круга своих» и «круга чужих»
5. апелляция к жизненному опыту и здравому смыслу
6. аналогия
7. конвенциональная вежливость (Никифорова 2013: 10).

Именно благодаря вышеперечисленным стратегиям и тактикам, стороне обвинения удается добиться нужного результата, а именно добиться справедливости в зале суда.

На базе различных примеров рассмотрим вышеупомянутые тактики стратегии обвинения.

Используя тактику цитирования, в своей речи прокуроры опираются на аналогичные дела, отрывки показаний свидетелей по делу, заключения экспертов, при всем при этом редко упоминая статьи закона.

«The State's going to tell you about all the evidence. There wasn't any DNA that links to this defendant. There was no blood recovered in the getaway truck that belongs to the defendant. There were no fingerprints in the whole crime scene that belong to this defendant» (Никифорова 2013: 11).

Кроме того, сторона обвинения прибегает к созданию отрицательной характеристика подсудимого, чтобы настроить суд против него:

«Isn't it true you have spent your life pretending to be something you're not, so much so that the art of concealment and dishonesty has become second nature to you?!» (к/ф «Филадельфия»)

В дополнении, прокурор использует так называемую тактику уличения подсудимого или свидетеля защиты во лжи. Но чаще всего это тактика используется для дискредитации доводов его оппонента, а именно адвоката защиты. При всем при этом, форма доводов стороны обвинения не выходит за границы норм общения.

«Now, the reason that they have to come up with this story about contamination and planting, and I want to hear if they really, really do that, say that to you, is because they can't get around the result».(Никифорова 2013: 13).

Кроме вышеперечисленных тактик, прокуроры используют прием упрека, прием внушения сострадания к потерпевшей стороне, а также сарказм по отношению к обвиняемому.

В качестве примера упрека к подсудимому, можно привести пример из дела Аднана Сейда:

«During the period of Ramadan, the Muslim holiday, when he should have been observing his religion practices, he was planning to kill and, in fact, killed someone» (Syed 2000:11).

Что касается приема внушения сострадания, то он активно используется прокурорами чтобы вызвать чувство жалости к пострадавшей стороне, а также чтобы настроить против подсудимого.

«On Thursday, Nel asked Pistorius under cross-examination why he did not meet the family in private after shooting dead his girlfriend, Reeva Steenkamp, instead of making a public apology while in the dock»(Oscar Pistorius Trial).

На базе уже известного нам дела Оскара Писториуса можно привести пример применения сарказма при допросе обвиняемого:

«Earlier, Nel questioned Pistorius on who should take the blame for killing Steenkamp.

*Nel: "You said we should blame you for taking Reeva's life. **Who should we blame for shooting her?"***

Pistorius: "I believed there was a threat on my life."

Nel: "So, once again we shouldn't blame you for the fact that you shot her?"

Pistorius: "I agree with Mr. Nel."

Nel: "Can we blame Reeva? She didn't tell you she is going to the toilet."

Pistorius: "No."

*Nel: "We have to blame someone. **Can we blame the government?"***

Pistorius: "I don't know who one should blame."

Nel: "We can't blame you for having shot and killed Reeve?"

Pistorius: "I believed there was someone coming out to attack me."

Nel: "Who should we blame for the Black Talon rounds ripping through her body? Who shot her with Black Talon ammunition?"

Pistorius: "I did."

Nel: "Why did you have that ammunition?"

Pistorius: "It's ammunition used for my type of firearm."

"You are constantly thinking of your version," Nel said» (Oscar Pistorius Trial).

При помощи использования тактики сарказма при допросе обвиняемого, прокурор старается «вывести его на чистую воду», задавая все более саркастические и наводящие вопросы.

Что касается эмоционального воздействия, то прокурор довольно-таки часто прибегает к тактике создания «круга чужих», а именно выставляет подсудимого не в лучшем свете в глазах судей:

«Thetwelveofyouareheretomakesurethatjusticeisdoneinthiscourtroom.

And in this case, justice means that you will find that man”-she raised a finger and pointed-"Christopher Harte, guilty of murder...Yes, murder.

It does sound shocking, and it's probably even more shocking to you that I'm pointing at a good-looking young man. I bet you're even thinking,

'He doesn't look like a murderer.’” She turned to examine Chris with the other members of the jury. “He looks like . . . well, a prepschool kid. He

doesn't fit the Hollywood image of a murderer. But ladies and gentlemen, this isn't Hollywood. This is real life, and in real life,

Christopher Harte killed Emily Gold. Before this trial is over, you will know the defendant for what he really is, beneath that fancy jacket and

that nice blue tie-a cold-blooded murderer »(J. Picoult P. TP).

В данном примере можно заметить, что прокурор, используя слова *justice* и *make sure* указывает судьям на «правильный» приговор и взывает их к совести. Более того, с использованием слов *murder, kill, shocking, cold-blooded* сторона обвинения создает отрицательно впечатление о подсудимом.

Проанализировав следующий пример с использованием тактики создания «круга своих»:

«But why? You're asking, why would he kill a boy in his eighth-grade class? Why would any child do this to another child?» “Well, *we've all been in school.*” <...> “*Come on, we've all been there, some of us more recently than others.*” But I want you to remember this: Ben Rifkin was a boy like *any other boy*. He was *not perfect*. He was a *regular kid* with all the flaws and all the growing pains of an *ordinary teenager*. He was fourteen years old-fourteen! — with his whole life stretched out in front of him. *Not a saint, not a saint*. But *who among us would want to be judged only by the first fourteen years of our lives?* » (W. Landay L.DJ)

можно заметить,

что оратор старается сблизить присяжных с жертвой и использует различные слова (*we've all, ordinary, regular, who among us, not perfect, not a saint*) чтобы снизить негативную оценку жертвы в их глазах. Кроме этого, прокурор использует лексический повтор, чтобы подчеркнуть возраст жертвы.

Сторона обвинения бывает более категорична в своей речи. В приведенном ниже отрывке прокурор использует апелляцию к эмоциям, дабы вызвать выгодные чувства и эмоции для дальнейшего хода дела.

«*Our state provides that the punishment for murder in the first degree shall be imprisonment for life or death by hanging. That is the law. You, gentlemen, are here to enforce it. And if ever there was a case in which the maximum penalty was justified, this is it. These were strange,*

ferocious murders. Four of your fellow citizens were slaughtered like hogs in a pen. And for what reason? Not out of vengeance or hatred. But for money. Money. It was the cold and calculated weighing of so many ounces of silver against so many ounces of blood. And how cheaply those lives were bought! For forty dollars' worth of loot! Ten dollars a life!" <...> What are you going to do? What are you going to do with these men that bind a man hand and foot and cut his throat and blow out his brains? Give them the minimum penalty? What about <...> young Nancy Clutter, hearing the gunshots and knowing her time was next. Nancy, begging for her life: 'Don't. Oh, please don't. Please. Please.' What agony! What unspeakable torture! <...> So, gentlemen, what are you going to do? Give them the minimum? Send them back to the penitentiary, and take the chance of their escaping or being paroled? The next time they go slaughtering it may be your family. I say to you, <...> some of our enormous crimes only happen because once upon a time a pack of chicken-hearted jurors refused to do their duty. Now, gentlemen, I leave it to you and your consciences» (Т. Capote С.ИВ).

Используя выражение: “Youareheretoenforceit”, прокурор указывает суду присяжных на их обязанности по закону. Более того, сторона обвинения использует лексический повтор, различные восклицания чтобы повысить экспрессивность своей речи. Заключительная фраза «Leaveittoyouandyourconsciencences» намекает присяжным на то, что все вышесказанное не было им навязано, а именно так они сами и думали изначально.

2.2. Речевое поведение стороны защиты: стратегии и тактики воздействия

Адвокат является одной из неотъемлемых фигур в зале судебного заседания. Именно он представляет интересы подсудимого, а также противостоит прокурору в суде. Речь со стороны защиты направлена в сторону оправдательного решения для обвиняемого или смягчение приговора, если совершение преступления и вина подсудимого в деле была доказана. А.А. Солдатова заметила, что «адвокат отстаивает частный интерес путем защиты прав и законных интересов подзащитного. Его цель заключается в том, чтобы побудить суд осуществить глубокий и комплексный анализ действительных причин преступления, объективно оценить ситуацию и степень ответственности и вины обвиняемого. Адвокат стремится доказать невиновность обвиняемого, убедить присутствующих в суде в недоказанности или меньшей степени его виновности, а также в объективности и обоснованности своих выводов» [Солдатова 2013: 7-8]. Именно для осуществления вышеупомянутой цели адвокату требуется владеть ораторским искусством, иметь навыки грамотного построения речи, выбирать убедительные речевые формулы. Ведь именно от этих навыков зависит конечный результат защиты. Но как утверждал Ф. Кони, «защита не должна обращаться в оправдание преступления» (Кони 1967: 65). Поскольку главной целью защиты является достижение справедливости, соблюдение законов и восстановление моральных принципов и ценностей общества.

Тип речевого поведения адвоката зависит от того, как адвокат понимает коммуникативное пространство. Существует огромное количество трактовок такого понятия, как «речевое поведение». Однако мы разделяем мнение таких исследователей, как И.Н. Борисова и А.К. Михальская, что коммуникативное поведение включает в себя речевое и

неречевое поведение, следовательно, данное понятие гораздо шире понятия «речевое поведение».

По мнению Е.В.Клюева, речевое поведение представителя стороны защиты представляет собой не что иное, как «совокупность конвенциональных (осуществляемых в соответствии с правилами) и неконвенциональных осуществляемых по собственному произволу) речевых поступков» (Клюев 2002: 15).

Структура речевого поведения стороны защиты состоит из комбинаций прецедентных, а также иных хорошо обдуманных речевых действий, которые являются неотъемлемой частью в рамках того или иного дела и преследуют цель- прямое воздействие на адресата. Более того, одной из главных задач адвоката является построение правильной и убедительной линии аргументации. Благодаря этому можно определить набор факторов и различных обстоятельств дела, с которыми адресат не сможет не согласиться.

Современные исследователи в дискурсе защиты выделяют такие стратегии, как:

1. Стратегия защиты
2. Стратегия нападения
3. Стратегия психологического воздействия

Каждая из вышеперечисленных стратегий обладает своей тактикой воздействия, которой в свою очередь принадлежат конкретные наборы языковых и лингвистических средств.

Многие исследователи, говоря о стратегии защиты имеют ввиду комплекс речевых действий со стороны защиты, который направлен на интерпретацию доказательств, используемых для оправдания. Кроме того, данный комплекс направлен на снятие обвинения или смягчение ответственности подсудимого.

В процессе изучения материала судебного дела мы выяснили, что в стратегии защиты можно выделить такие тактики, как тактика частичного признания вины, тактика доказательства действий в состоянии аффекта и тактика положительной характеристики.

Поскольку адвокат в течение судебного заседания старается привлечь к себе внимание, то сторона защиты прибегает к стратегии нападения. Данная стратегия может быть приведена в действие благодаря тактике дискредитации, критике обвинителя и сарказма.

На финальном этапе судебного разбирательства сторона защиты должна оказать влияние на суд, поскольку заключительная речь и последнее слово подсудимого влияют на решение суда. В этот момент сторона защиты использует стратегию психологического воздействия, которая реализуется благодаря тактике апелляции к принципу справедливости, логической концентрации внимания и внушение определенной точки зрения (Солдатова 2011: 163-166). Однако хотелось бы отметить, что данная классификация не совсем верна, так как все в адвокатском дискурсе подчинено стратегии защиты, которая в свою очередь может быть реализована благодаря тактике нападения, а именно использование приемов издевки, сарказма, оговора и намека. Также стратегия защиты реализуется на базе тактик психологического воздействия, а именно внушение и поиск сострадания, проявление смирения, выражение раскаяния и создание положительного портрета обвиняемого. (Зайцева 2016: 3)

На базе текста выступления адвоката, защищающего Оскара Писториуса, хотелось бы рассмотреть стратегии стороны защиты более подробно. Данный судебный процесс происходил с 2013 по 2014 года. Всемирно известный параолимпийский чемпион был обвинен в преднамеренном убийстве своей подруги Ревы Стенкамп.

Поскольку адвокат Оскара профессионал, он сразу же начинает использовать тактику психического воздействия. На одном из первых заседаний адвокат замечает одну незначительную деталь в показаниях свидетеля, которую в дальнейшем называет *discrepancies between his first and second accounts of the events on the night of the shooting*. Используя это несоответствие в свою пользу, адвокат сразу делает вывод, что *Pistorius, anxious and distressed, could have produced the screams that Stipp identified as female*. Уже на этом этапе можно увидеть, что адвокат переворачивает свидетельства против его клиента в свою пользу. Кроме того, таким своим поведением адвокат заставляет сомневаться судью в виновности своего подзащитного.

В ходе судебного разбирательства, адвокат, используя стратегию защиты, выбирает тактику нападения через оговор (клевету). Например, он обвиняет полицию в краже дорогих часов: *«two luxury wristwatches worth thousands of pounds went missing from the athlete's bedroom on the day he was arrested»*, а также подозревает полицию в искажении фактов без предоставления вещественных доказательств:

«Roux says the court should order the state to make the cord available to the defence. It's not good enough to say, 'we don't have it', Roux argues. What happened to it? The defence case is prejudiced without it» (Oscar Pistorius Trial).

Кроме стратегии защиты, адвокат Оскара также использует стратегию психологического воздействия. В данном судебном разбирательстве можно отметить использование приема смирения:

«It's unfair, it's not relevant. My Lady, it's unfair questioning; My Lady, may I just inquire... you know the old rules called 'ambush'?... we have certain constitutional rights. This is not in the docket and was never ever referred to in the State's case» (Oscar Pistorius Trial).

В дополнении можно отметить использование такой речевой тактики, как создание положительного портрета обвиняемого:

«The envelope says ‘Ozzie’, with some hearts and a squiggle, and then it says on the front of the card: ‘Roses are red, violets are blue’. Then on the inside she wrote the date on the left, then on the right she said: ‘I think today is a good day to tell you that ... I loveyou’»(OscarPistoriusTrial).

Не только прием смирения и создание положительного портрета обвиняемого использовались линией защиты, но и тактика поиска сострадания была применена в ходе судебного разбирательства:

«He can't stand for long, maybe one or two minutes, before it starts to hurt. It is more difficult on hard surfaces. In the dark, he struggles and needs to hold on to things. He is easily pushed over. He needs his arms to balance and cannot easily carry something while on his stumps. Pistorius told his doctor he falls frequently, at least once a week or two weeks. He sometimes falls down when getting out of bed. He will sometimes go to the bathroom without prostheses but would not go into the rest of the house without them.»(Oscar Pistorius Trial).

И в качестве еще одного примера психологического воздействия на суд можно привести то, что адвокаты делают упор на искреннее раскаяние Оскара Писториуса:

«Stander revealed details of the call Pistorius made to him immediately after the shooting: “Johan, please, please, come to my house, please. I shot Reeva. I thought she was an intruder. Please, please come quick.”; He began with a tearful, broken-voiced apology to the family and friends of Steenkamp, saying there is “not a moment” when he does not think about her family, and prays for them daily. He added: “I’ve tried to

put my words on paper many times to write to you, but no words would ever suffice” » (Oscar Pistorius Trial).

В дополнении к вышеперечисленным примерам психологического воздействия, можно привести еще несколько других, опирающихся на другие тактики и другие судебные дела. Так, вданномпримере:

«This is my last opportunity to address you,” I say, “so I will thank you for the generous time you have given us, for your patience, and most of all for your honesty, integrity, and wisdom, which I am certain you will bring to your deliberations.” (S.MartiniM.CE)»

была использована тактика вежливости. Адвокат старался создать приятное впечатление и старался расположить к себе суд и присяжных. Для достижения этой цели адвокат пользовался словами с положительной коннотацией: generous, patience, honesty, wisdom. Таким образом на присяжных оказывается давление «доверия», внушенное оратором.

Сторона защиты также использует тактику критики обвинения, выставляя прокурора в не лучшем свете и подчеркивает все погрешности в его речи и позиции.

«That, ladiesandgentlemen, iswhereyoucomein. Ms. Delaneyhasgivenyouasetoffacts. AndChrisHartehasgivenyouthetruth. Do you just blindly agree with Ms. Delaney-see things the way she wants you to see them, through her black-and-white glasses? Do you say: There was a gun, there was a shot, a girl died; therefore, it must be murder? Or do you look at the truth?...“You have a choice. You can do what I used to do-what I like to do as a lawyer-just go on the facts and form your own opinions. Or you can hold the truth in your hands and see it for the gift it is.»(J. PicoultP.TP).

В данном случае, адвокат предостерегает присяжных и заставляет их самих задуматься над делом, сделав при этом моральный и осознанный выбор.

2.3. Роль судьи в судебном дискурсе

Судья является обладателем самого высокого статуса в зале суда, а также он является главным по урегулированию конфликтов и изменению правовой ситуации.

В зале суда судья выполняет самую очевидную функцию — обеспечивает справедливость судебного процесса, где судья выступает как арбитр, рефери. Дж. Ли отмечает, что роль судьи как рефери обусловлена особенностями судебной системы, поскольку в зале суда происходит война между стороной защиты и обвинения. «В этой битве в зале суда роль судьи — это практически роль арбитра. Его работа состоит в том, чтобы следить за честной игрой с обеих сторон, исключать не относящиеся к делу или незаконные серии вопросов во время перекрестного допроса. Редко случается, чтобы судья задавал вопросы непосредственно свидетелю, и это происходит только в тех случаях, когда под угрозой ясность», — пишет Дж Ли (Lea, 2006).

Как можно заметить в последних исследованиях, судья-рефери не единственный подтип судей. Также выделяют судью-участника драмы, судью-лингвиста, судью-обычного человека. Что самое примечательное, так это каждый этот подтип обладает разными целями, которые достигаются при помощи различных средств языка. Кроме этого, у каждого подтипа судьи свой род деятельности. Например, судья-рефери обеспечивает противостояние в ходе судебного процесса, равноправие обеих сторон, а также соблюдение всех принципов правосудия. Говоря о судье-участнике драмы, можно отметить, что он

«всегда находится в центре судебного процесса как драматического действия, насыщенного вербальными и невербальными ритуальными элементами» (Дубровская 2016: 129-130). При помощи специальной одежды у судей и их месторасположении в зале суда, а также общая обстановка зале заседания образует невербальные компонент судебной драмы. Если говорить о вербальном компоненте, то он образуется благодаря использованию строгих правил обращения к другой стороне, устойчивым формулировкам, официально - деловой и юридической лексике. (Дубровская 2010: 351 с).

Судья-лингвист в своем роде деятельности должен обращать внимание на лингвистические компоненты речи. Его главной задачей является верное толкование показаний, законов, а также каких-либо других документов.

Благодаря многогранности личности судьи, каждый из вышеупомянутых «подтипов» может помогать другому. Так, например, при помощи судьи-лингвиста, судья-рефери может осуществить правосудие. При всем при этом, при столкновении различных подтипов судьи одна из них обладает большими полномочиями (Дубровская 2016: 4).

2.3.1. Особенности речевого поведения судьи

Т.В. Дубровская отметила высокую частоту употребления судьями метакоммуникативных средств, «направленных на создание речевых произведений в зале суда, удовлетворяющих процессуальным требованиям, на контроль взаимодействия между участниками процесса» (Дубровская 2003: 15). В работах многих исследователей можно заметить, что они считают речь судьи немного театрализованной и даже если эта сфера общения достаточно официально, то судью в какой-то мере можно считать участником какой-то театральной постановки. Опираясь на

труды Т.В. Дубровской, можно выделить различные характеристики, указывающие на содержание драмы в речи судьи:

1. формальность
2. вежливость
3. экспрессивность.

Чтобы передать формальность общения, судья использует клишированные фразы. Так, например, большинство если не все судьи начинают судебное заседание такой фразой, как: «Callingthecaseofthe ... versus (defendant'sfirstname)». Но также следует отметить, что некоторые судьи отклоняются от официально-делового стиля речи и используют просторечные слова (bucks, dough), уголовную лексику (lit, stick-up) и другие сленговые слова. Используя такие выражения, судья старается наладить общение с участниками процесса, «говоря с ними на одном языке» (Дубровская 2010: 31).

Принято считать, что в процессе судебного разбирательства должно быть взаимоуважение между участниками процесса. Однако по мнению Т.В. Дубровской можно отметить оценочное отношение к подсудимому. Это связано с разными положениями подсудимого и судьи в зале заседания, а также с проявлением «судейского комплекса». «"Судейский комплекс" связан с приматом нравственной сферы в области принятия решения и поступка и выражается в высказываниях, дающих оценку с опорой на категории морали и нравственности» (Т.В. Дубровская. Цит. по: Касьянова 1994).

Говоря об экспрессивности, можно отметить, что судьи используют некие стресс-тактики, с целью выяснения правдивых ответов от подсудимого или допрашиваемого. Для реализации стресс-тактики судья прибегает к перебиванию, затрагиванию нежелательной темы, а также усомнение в правильном мышлении адресата.

2.3.2. Перекрестная интеракция в триаде «сторона обвинения -судья- защита»

Как верно отметила Дубровская Т.В., что судья контролирует техническую и содержательную стороны судебных допросов, можно заметить, что хоть судья нередко бывает молчалив в течение процесса, но без его присутствия и согласия на действия сторон процесс невозможен. Поскольку судья является главным звеном судебного процесса, то обе стороны стараются получить разрешение на какие-либо действия. Например:

«PROSECUTION: Would you Lordship allow me one moment? My Lord departing from the witness order very briefly and it is a short witness, may I call Detective Officer Hampson please. My Lord, it is to deal with a matter that arose earlier. » (Shipman 1999).

Как можно заметить, адвокат обращается к судье в очень вежливой форме: *wouldyouLordshipallowme...*, *mayI...*, а также приводит аргументы для совершения этого действия.

Помимо получения разрешения, адвокат и прокурор всегда беспокоятся об удобстве для судьи. Так, например, в нижеприведенном примере обвинитель несколько раз подчеркивает важность мнения судьи и получает одобрение на совершения запрашиваемого действия.

«PROSECUTOR: ... if you will excuse me for one second I would like to clear a matter with his Lordship. We are minded, subject to your Lordship agreeing, that every exhibit should still retain the page number in our bundles for reasons of simplicity. We will give them numbers as well if your Lordship thinks that appropriate, providing we can keep the number which is on the page, but so far as the documentary exhibits are

concerned, if we refer to it simply as exhibit page 280 and we ensure that they are all listed, would that serve your Lordship's purposes?

JUDGE: Yes. That seems perfectly satisfactory, Miss Davies?

DEFENCE: My Lord, yes.

JUDGE: Thank you, Mr. Henriques. » (Shipman 1999).

В дополнении, важно отметить то, что судья так же всегда интересуется мнением противоположной стороны, прежде чем дать положительный ответ. Вданномпримере:

«PROSECUTION: My Lord, copies are available for the jury and in the light of cross-examination I apply that they be supplied with them.

JUDGE: Anything to say, Miss Davies?

DEFENCE: No, my Lord.

JUDGE: Very well... Do you want them to go into the bundle?

PROSECUTION: Yes please... » (Shipman 1999).

судья решает узнать мнение у стороны защиты, не против ли адвокат о предоставлении документов присяжным.

Иногда нам кажется, что судья просто молчит и не вдумывается в ход судебного разбирательства, однако это не так. Судья является одним из активных участников в зале суда, всегда готов вмешаться и внести коррективы в ход процесса. В процессе разбирательства судья обращает внимание на несоответствующие правилам действия обеих сторон. Так, например, адвокат и прокурор сталкиваются с такой проблемой, как недоступность формулировки для свидетеля. В следующем примере отражена неверная постановка вопроса, и в связи с этим свидетель отвечает не по сути дела. Судьей было сделано замечание и призывает адвоката переформулировать вопрос в более простой.

« *DEFENCE: You see Mrs. Bryden when you gave your evidence about this topic, never did you issue, as I noted, that he had said the words he was “the last person to speak to them”. You did say was, he said “If only I had said something different”?* »

WITNESS: Excuse me it says on the bottom there that he also said I was the last to speak to them.

JUDGE: You are not following the question, ask it again in a more simple form.

DEFENCE: When you gave your evidence to the jury earlier on today you said them “He told me he was the last person to see them alive, I think it was the Warren Hill night we had that conversation, and he said, ‘If only I had said something different’”. For him to say to you “If only I had said something different”, suggests, doesn’t it, that he was speaking about conversations that he had with them?

WITNESS: Yes. » (Huntley 2003).

Кроме данной проблемы, в зале суда нельзя задавать наводящие вопросы. Как писал Дж. Гиббсон: «Наводящий вопрос – это такой вопрос, который в большей степени заключает в себе информацию, чем имеет цель получить ее от свидетеля. Наводящие вопросы обычно не разрешаются во время прямого допроса, когда адвокат допрашивает «дружественного» свидетеля относительно событий, являющихся предметом тяжбы...» (Gibbons 2005: 108). В ходе судебных тяжб это правило может быть нарушено, следовательно, противоположная сторона будет недовольна и заявит протест, решение о данном протесте необходимо решит судье.

PROSECUTION: Did he indicate to you who was, as it were, in control of the relationship in any way?

DEFENCE: That really is (inaudible).

JUDGE: It can't be evidence against her.

DEFENCE: It is almost in the form of a leading question, too.

JUDGE: Yes, it suggests something - you can ask a question that starts did he say anything else about the relationship.

DEFENCE: The damage has been done.

JUDGE: Anyway, you go on, Mr. Latham.

PROSECUTION: Did he give any other indication to you about the nature of the relationship, how they related to each other? (Huntley 2003).

В данном примере протест защиты принят, и судья предлагает вариант переформулировки вопроса, после чего стиль и формулировка вопроса были изменены.

Для судьи важно понимание линии допроса. Если судье не понятен ход мыслей допрашивающей стороны, то судья может задавать уточняющие вопросы. В следующем примере судья обращается к истцу (поскольку именно он является представителем допрашивающей стороны, а не адвокат) за дополнительной информацией:

«*JUDGE: I am not quite sure, Mr Irving, perhaps you can explain to me.*

You are putting various things which you say Mr Tauber described.

CLAIMANT: Well, my Lord, the inference is ----

JUDGE: With what object? Are you suggesting all of this is invention? »

(Irving 2000).

Как упоминалось ранее, судья не имеет права задавать вопросы с целью получения информации. Однако иногда в материалах можно найти примеры, когда судья побуждал адвоката или прокурора задать определенные вопросы. Это делается для того, чтобы прояснить некоторую информацию для судьи, а также чтобы не осталось никакой недосказанности или домыслов. В следующем фрагменте в ходе допроса

свидетеля, адвокат пропускает информацию о запахе замазки для автомобиля и продолжает интересоваться датой, когда свидетель почувствовал этот запах. Однако судья вмешивается и настаивает, чтобы кто-нибудь спросил, как же пахнет эта замазка. Вследствие чего происходит следующий диалог:

JUDGE: Is anybody going to ask what body filler smells like?

WITNESS: Obviously you all repair your own cars so you all know.

DEFENCE: All the time.

JUDGE: Probably get somebody to do it. Anybody want to ask or is it assumed we all know.

WITNESS: Mr Butler can you describe in any other way the sort of smell, I know smells are difficult to describe, what body filler smells like?

WITNESS: Like a sweet smell, it gets in the back of your throat, a strong smell (Huntley 2003).

Интересно заметить, что судья адресует свой вопрос адвокату, а не свидетелю. И даже после того, как свидетель отвечает, что якобы все, итак, знают как пахнет замазка ведь большинство сами ремонтируют свои машины, а адвокат подтверждает это (Alltherime), судья продолжает настаивать на уточнении запаха замазки адвокатом.

2.4. Клише, используемые в зале суда

Поскольку ранее мы уже обращались к клишированным фразам, рассмотрим их подробнее. Клише в зале суда можно разделить на 2 группы:

1. Клише судьи
2. Клише стороны защиты и стороны обвинения.

Мы решили не разделять клише прокурора и адвоката, поскольку они очень схожи между собой.

В речи судьи можно также выделить несколько подгрупп клише. Они будут адресованы разным группам лиц: прокурору/адвокату, присяжным, подсудимому.

Рассмотрим каждую группу по-отдельности. Начнем с различных клишированных фраз судьи к адвокату/прокурору.

Calling the case of the ... versus (defendant's first name). Именно с этой фразы судья начинает судебный процесс.

Далее судья удостоверяется сможет ли адвокат/прокурор учувствовать в процессе и быть честным и беспристрастным с помощью фразы: «Isthereanythingthatwouldpreventyoufromservingfairlyandimpartially?» (SCN). Судья использует эти дежурные фразы согласно официально-деловому стилю, а также действует по протоколу заседания.

Если это не первое заседание и тяжбы по этому делу идут давно, то могли возникнуть какие-либо жалобы у одной стороны к другой. И перед началом заседания, судья должен удостовериться у противоположной стороны получили ли они копию жалобы при помощи фразы-клише: «Haveyoureceivedacopyofthecomplaint?» (SCN).

После всех формальностей, когда сторона защиты/обвинения переходят к допросу обвиняемого/свидетелей, судья может вмешаться,

использовав различные фразы. Так используя фразу: «Youhaveexhaustedthatsubject, pleasemoveon» (SCN), судья указывает допрашивающей стороне на исчерпание темы и неуместности различных вопросов и просит двигаться дальше. Кроме этого, судья при обнаружении нерелевантного вопроса или протеста с противоположной стороны, должен отреагировать. Используя фразу «Rephrasethequestion», он призывает допрашивающую сторону изменить структуру вопроса, при этом мысль оставь прежней.

При предъявлении вещественных доказательств (фотографии, видео, документы и т.д.) судья может попросить показать это доказательства вначале ему, используя фразу: «MayIhaveit?», а ознакомившись с уликой, попросить продолжать процесс допроса фразой: «Pleaseproceed» (SCN).

После допроса одной из сторон, судья предлагает другой стороне допросить свидетеля/подсудимого/потерпевшего. Например, используя фразу: «Youmaycross-examine, counsel» судья предлагает адвокату задать вопросы свидетелю или другому участнику заседания, находящемуся на скамье (SCN).

После допроса свидетеля, если ни у одной из сторон больше нет вопросов, то используя фразу «Callyournextwitness» (SCN), судья призывает адвоката/прокурора вызвать следующего свидетеля на скамью для дачи показаний.

Для приостановки судебного процесса судья вправе объявить перерыв на обед. Для этого используется стандартная фраза английского языка: «We'lltakeabreakforlunch» (SCN).

Выше перечислены основные фразы-клише по отношению к адвокату/прокурору. Естественно, их больше, но мы решили рассмотреть лишь основные.

Далее хотелось бы перейти к клише, которые обращены к присяжным. В данной группе клише встречаются не так часто, поскольку

все общение судьи и присяжных сведено к минимуму и ограничено залом суда.

Но тем не менее, прежде чем вступить в роль присяжного, сторона защиты и прокурора проводит так называемые «Pollthejury» (SCN). Здесь каждый из сторон должен выбрать наиболее подходящего для себя присяжного, который скорее всего будет на его стороне. Далее, всех будущих и подходящих присяжных поднимают со своих мест и отпускают. «Willtheprospectivejurorspleasestand? The following prospective jurors are excused» (SCN).

Каждый из выбранных присяжных должен быть ознакомлен с клятвой: «You and each of you, do solemnly swear (or affirm) that you will well and truly try this case before you, and a true verdict render, according to the evidence and the law so help you God?» (SCN). Помимо клятвы, каждый присяжный должен быть ознакомлен с некоторыми правилами. Так, например, судья предупреждает присяжных, что им запрещено обсуждать это дело с кем-либо: «Don't discuss the case» (SCN). Кроме этого, присяжные должны быть беспристрастны и не должны поддаваться симпатии со стороны обвиняемого: «As jurors you are not to be swayed by sympathy» (SCN).

В ходе судебного процесса нередко бывает такое, что сторона защиты или обвинения используют неподходящие формулировки или даже доказательства и обвинения, тогда судья взывает присяжные пренебречь всем, что только что было сказано используя такую фразу-клише: «Members of the jury, you are instructed to disregard...» (SCN).

В конце судебного разбирательства, присяжные удаляются для принятия решения и по возвращении на скамью присяжных судья уточняет у них приняли ли они решение: «Have you reached a verdict?» (SCN).

Поскольку озвучивают свое решение несколько судей, то при помощи данной фразы: «Juror No. (X), is that your verdict?», судья опрашивает каждого из четырех присяжных об их вердикте (SCN).

Все вышеупомянутые фразы-клише можно встретить в любом судебном процессе с присяжным. Они являются неизменными, как и большинство официально-деловых фраз в ходе суда.

В дополнении ко всему вышесказанному, хочется немного упомянуть о судебных репликах в сторону подсудимого/свидетеля. Не всегда человек, дающий показания, ведет себя подобающим образом, поэтому суд может делать замечания, просить порядка, а также просить говорить по громче.

Так, например, судья, сказав: «Pleaseraiseyourrighthand» обязует свидетеля/подсудимого дать клятву говорить правду и только правду и ничего кроме правды во время его освидетельствования. Если же свидетеля заподозрили в клевете или даче ложных показаний, то судья напоминает ему, что он находится под клятвой: «Remember, youareunderoath» (SCN).

Кроме того, если свидетель говорит очень тихо, то судья может призвать его говорить более громко или придвинуться ближе к микрофону: «Keeryourvoiceup; speakintothemicrophone». И наоборот, если свидетель/подсудимый чересчур экспрессивный и говорит слишком громко, судья имеет право сделать ему замечание: «Mr. Xwillreducethedecibellevel» (SCN).

Во время допроса возникают такие ситуации, когда адвокат или прокурор могут задать неподходящий вопрос, по мнению противоположной стороны. Если судья посчитает вопрос актуальным и релевантным, то по разрешению судьи свидетель имеет право ответить на заданный вопрос: «Youcananswerthequestion» (SCN). Более того, может случиться такое, что во время дачи показаний, свидетель был перебит третьей стороной (выкрик подсудимого, судья мог уточнять некоторые детали у прокурора/адвоката и т.д.). В таком случае, судья, используя

клише: «You can proceed, Mr. (X)» призывает свидетеля к продолжению дачи показаний.

По завершении дачи показаний, лишь со слов судьи: «Please resume your seat» свидетель может вернуться на свое место. Есть также другие формулировки: «You may be seated; You may be excused» (SCN).

В завершении судебного процесса, судья произносит стандартные клишированные фразы для всех участников стороны судебного процесса, а также для всех присутствующих: «The Court finds that there is a factual basis for the plea guilty; The Court is prepared to proceed to sentencing» (SCN). А далее суд выносит сужденному приговор: «The sentence of, the court on the charge of murder is life». (Syed 2000:16)

Подводя итог вышесказанному, можно заметить, что судья не так уж и молчалив во время судебного процесса. Хотя судья и обращается к разным сторонам судебного разбирательства достаточно редко, но тем не менее судья имеет главенствующее положение и все обязаны подчиняться его слову.

Далее нам хотелось бы рассмотреть следующую группу фраз-клише, принадлежащую прокурору/адвокату.

В данной группе можно выделить также три подгруппы, они могут быть адресованы разным группам лиц: судье, присяжным, подсудимому.

Рассмотрим каждую подгруппу по-отдельности.

Начнем с подгруппы фраз, обращенных к судье. Данная подгруппа достаточно обширна, поскольку вариаций фраз возможно несколько. Так, адвокат, обращаясь к судье за разрешением пришить какие-либо новые улики/вещественные доказательства говорит:

«May I present this photo as an exhibit №...; I want to include this tape in list of exhibits, may I, Your Honor?» (Syed 2000:61).
Здесь важно отметить то, что адвокат/прокурор обязаны всегда обращаться крайне вежливо к судье, использовать лишь деловую и официально-деловую лексику, а также называть его Your Honor.

Помимо разрешения, адвокат может потребовать протест в связи с некомпетентным и не релевантным вопросом, лишь выкрикнув «Objection!» (SCN). И в большинстве случаев, на базе изученного материала, мы пришли к выводу, что данная реплика-клише всегда сопровождается экспрессивностью и гневом. Но нельзя просто так крикнуть эту фразу, для этого должно быть обоснованный мотив.

«MS GUTIERREZ: Objection. Move to strike

THE COURT: What's the basis?

MS GUTIERREZ: This witness is not qualified to identify blood stains.

THE COURT: Okay. Overruled » (Syed 2000:17).

Опираясь на этот пример, мы видим, что адвокат требует протеста на вопрос о пятнах на футболке, считая, что свидетель некомпетентен в данном вопросе. Судья полностью согласен и принимает протест.

Помимо упомянутых фраз, стороны могут обращаться к судье по вопросам касательно их дальнейших действия. Без разрешения судьи на вызов свидетеля, например, или передвижение по залу суда может быть расценено как неуважение к суду, и сторона будет либо оштрафована, либо вынуждено покинет зал суда. Именно поэтому лучше использовать различные уже стандартные и общепринятые фразы-клише: «May I inquire?; May I approach the bench?; May I call my first witness?; May I have the witness approach (the blackboard, etc.)?; May I approach the stand, Your Honor, to...; May I approach the witness?» (SCN). Важно отметить, что во всех фразах используется модальный глагол «may», ведь именно он указывает на вежливое и уважительное отношение

к адресату. Кроме того, адвокат/прокурор не имеют права показывать какие-либо доказательства или вещественные улики, прежде не спросив у судьи на это разрешение: «May I publish to the juror, Your Honor?» (SCN).

Следующий рассматриваемый подтип клишированных фраз будет относиться к подсудимому/свидетелю.

В данном подтипе можно выделить не так много видов, поскольку большинство клише связаны с уточнением материалов дела. Так, адвокат может задавать множество вопросов используя несколько вводных клише: «Could you briefly describe...?; Could you describe the appearance of (a package, etc.)?; Would you describe ...?; Would you state for the record...?; Would you label that as (car, building, etc.)?» (SCN). Важно отметить, что допрашивающая сторона использует такие модальные глаголы как «could» и «would» чтобы показать свое уважение к допрашиваемому лицу.

Кроме приведенных примеров, при показе различных фотографий, видео и документов, адвокаты также используют различные вводные фразы-клише. Используя такие фразы: «May the record reflect...?; See if you recognize it; Would you indicate...?; Would you point (someone) out?; Would you look at...?; Would you mark that with an “x”?», адвокат пытается добиться от свидетеля новых и важных показаний, которые в последствии могут сыграть большую роль в вынесении приговора (SCN).

Когда прокурор/адвокат не совсем верят данным показаниям, они могут использовать очень нестандартные фразы: «Use your common sense; Remember, you are under oath», как бы немного запугивая свидетеля, однако данные фразы могут воздействовать как положительно, так и отрицательно, поскольку другая сторона может посчитать это как давление на свидетеля и обоснованно запротестовать.

Как можно заметить, все фразы схожи между собой, имеют почти одинаковую смысловую нагрузку, но при всем этом многообразии позволяют сторонам защиты и обвинения проводить качественный, в рамках норм права, допрос.

Если говорить о клишированных фразах в отношении присяжных заседателей, то их не так уж много, поскольку стороны не обращаются напрямую, а лишь косвенно обращают внимание присяжных на различные элементы допроса.

Так, при обращении к обвиняемому с вопросом: «Canyoutellthejury...?», прокурор подчеркивает, что данная информация будет весьма полезна для присяжных и им стоит обратить на нее внимание (SCN).

Кроме этого, можно выделить один случай, когда сторона защиты/обвинения напрямую обращается к присяжным – вступительная и заключительная речи. Однако они обращаются не только к присяжным, но и к суду, противоположной стороне и всем присутствующим в зале заседания.

«May it please the Court, counsel, ladies and gentlemen of the jury, good afternoon» (Syed 2000:116). Именно так начинает свою речь прокурор/адвокат, привлекая всеобщее внимание.

Выводы по Главе 2

Как можно заметить, на основе множества ранее приведенных примеров, все стороны судебного процесса преследуют разные коммуникативные цели. Следовательно, сторона обвинения, защиты и судья используют по большей мере различные стратегии и тактики в своем речевом воздействии.

Так, сторона обвинения прибегает к использованию стратегии обвинения, которая реализуется через тактику отрицательной характеристики подсудимого, констатации фактов, дискредитации показаний свидетелей/подсудимого, преувеличения тяжести преступления, а также тактики цитирования. Помимо стратегии обвинения, прокурор использует стратегию эмоционального воздействия. Данная стратегия возможна, благодаря использованию тактики самопрезентации, комплимента, имитированного диалога, а также создания «круга своих» и «круга чужих», апелляции к жизненному опыту, аналогии и конвенциональной вежливости. Использование вышеперечисленных тактик помогает прокурору расположить к себе судью и присяжных, ведь главной целью стороны обвинения является разоблачение преступника.

Говоря о стороне защиты, важно отметить выделяемые стратегии и тактики различными исследователями. Так, в дискурсе защиты выделяют стратегию защиты, стратегию нападения и стратегию психологического воздействия. Каждая из стратегий обладает своим набором тактик. В стратегии защиты самыми распространенными считаются: тактика частичного признания вины, тактика доказательства действий в состоянии аффекта и тактика положительной характеристики. Используя эти тактики, адвокат стремится снять обвинение со своего подзащитного или смягчить приговор. Однако в ходе судебного заседания адвокат преследует еще одну цель: привлечь внимание к своей речи и свидетельским

показаниям. Для реализации этой цели адвокат использует стратегию нападения, которая реализуется благодаря тактике дискредитации, критики обвинителя, а также сарказма. Используя стратегию психологического воздействия, адвокат оказывает влияние на судью и присяжных прибегая к использованию тактики апелляции к принципу справедливости, логической концентрации внимания и внушение определенной точки зрения. Рассмотренные нами ранее примеры демонстрируют необходимость использования этих тактик для успешного завершения судебного дела.

И последний участник судебного процесса, но и самый важный, - судья, также обладает речевыми особенностями в зале суда. В исследуемом нами материале мы заметили, что выделяют несколько подтипов судей, которые обладают различными целями и речевыми повадками. Кроме того, каждый подтип судьи выполняет свою «работу» в зале суда. Так, например, судья-рефери обязан обеспечивать равноправие обеих сторон и соблюдать все принципы правосудия, а судья-лингвист должен обращать большое внимание на речевые компоненты речи и давать верное толкование показаниям, законам и судебным документам. Однако как мы упоминали во второй главе, каждый подтип личности судьи невозможен без другого, но одна из личностей всегда будет доминирующей.

Говоря о речевом поведении судьи, хотелось бы отметить, что большинство исследователей считают речь судьи театрализованной, при этом выделяя три характеристики указывающих на драматическую составляющую в речи: формальность, вежливость и экспрессивность.

Вежливое отношение по отношению ко всем участникам процесса обязательно. Однако, как верно заметила Т.В. Дубровская, со стороны судьи иногда наблюдается оценочное отношение в отношении подсудимого. Для передачи формальности общения, в речи судьи

встречаются клишированные фразы. Эти фразы присущи всем участникам процесса и без них официально-деловой тон общения не может быть сохранен. Данные фразы-клише мы также рассмотрели в данной главе и пришли к выводу, что, используя их, стороны проявляют взаимоуважение, а также сохраняют деловой стиль речи. Экспрессивность в речи судьи была замечена для выяснения правдивых ответов от подсудимого/допрашиваемого.

Ознакомившись с различными исследованиями о взаимодействии триады «сторона обвинения-судья-защита», мы заметили, что все действия сторон осуществляются посредством судьи. Если судья посчитает что-либо неприемлемым (вопрос, реплика, вещественное доказательство), то он имеет полное право отказать любой из сторон.

Заключение

Прагматический аспект является неотъемлемой частью судебного процесса и речевого взаимодействия всех сторон заседания. Каждый из ораторов преследует свои коммуникативные цели, задачи и установки, используя при этом соответствующий лингвопрагматический потенциал.

Ознакомившись с различными точками зрения относительно понятия дискурса, мы пришли к выводу, что дискурс является сложным коммуникативным явлением, в который входит не только текст, но также и экстралингвистические факторы, необходимые для понимания текста. Судебный дискурс является частью юридического дискурса и определяется как речевое или письменное проявление юридического дискурса в рамках судебного заседания.

Опираясь на множество исследований, мы пришли к заключению о том, что наборы речевых возможностей способствуют образованию связи между нормативно-ценностными элементами и ситуативными элементами. Ввиду того, что связь этих элементов способствует образованию жанровых форматов взаимодействия правовых субъектов в англоязычном судебном дискурсе, выделяют три жанра: жалоба, судебное решение и особое мнение судьи. Рассмотрев каждый жанр подробнее, мы выяснили, что каждый из них имеет свои функции и структуру.

В ходе исследования мы выявили некоторые дистинктивные особенности судебного языка, а именно: наличие специальных (профессиональных) лексических единиц – терминов, которые будут понятны только определенному числу лиц, связанных с юриспруденцией. Данная отличительная особенность способствует сохранению смысловой определенности юридического языка. Е.С, Максименко классифицировал термины на 8 групп с определенным значением. Однако стоит заметить, что термины не являются единственными единицами речи в составе

судебного языка. Общелитературная лексика, жаргонизмы, клише и штампы, профессионализмы и сленг также входят в его состав. Несмотря на все вышесказанное, судебный язык можно охарактеризовать средней степенью формализации, поскольку он достаточно точен и ригиден в своей семантике.

Для установления эффективной и действенной модели общения в зале суда всем участникам судебного процесса необходимо тщательно обдумывать свое речевое поведение. Так, для соблюдения официально-делового тона в рамках судебного заседания в стенах суда ораторы всех трех сторон используют клишированные фразы и устойчивые выражения.

Ознакомившись с достаточным количеством работ о речевом поведении участников судебного процесса, мы выявили, что каждая из сторон применяет различные стратегии и тактики. При этом на базе рассмотренных примеров мы обнаружили некое сходство между стратегиями сторон защиты и обвинения.

Однако следует отметить, что сторона защиты и сторона обвинения преследуют разные цели. Стратегии, используемые в зале суда, могут совпадать, но поскольку цель и нужный результат отличаются, то и тактики будут различными. Так, например, и сторона обвинения, и сторона защиты прибегают к использованию стратегии психологического/эмоционального воздействия. Прокурор в своей речи прибегает к тактике приема внушения сострадания к потерпевшей стороне, чтобы вызвать жалость к жертве у суда и присяжных и в тоже время выставить подсудимого не в лучшем свете. Таковую же тактику использует и адвокат, но он «ищет сострадание» у присяжных для подсудимого, применяя одновременно тактику создания положительного портрета обвиняемого и делая уклон на раскаяние подсудимого, как было в деле Оскара Писториуса.

Рассмотрев речевое поведение судьи, мы выяснили, что оно принципиально отличается от речевого поведения адвоката и прокурора. Так, судья, являясь главенствующим звеном в зале суда, имеет право прекратить допрос, наложить запрет на какое-либо действие со стороны адвоката/прокурора. Однако для судьи также есть некоторые правила, которые он не имеет права нарушать. Судья не имеет права напрямую спрашивать у свидетеля/подсудимого/истца какие-либо вопросы. Он лишь может завуалированно побуждать адвоката или прокурора задать определенный вопрос.

Проведя анализ стратегий и тактик триады «сторона обвинения-судья-защита», мы выяснили, что именно благодаря использованию этих комплексов действий в своем речевом поведении каждый из участников судебного процесса добивается своей главной цели. В основе успешного окончания судебного заседания лежит взаимоуважение, использование официально-делового тона общения, а также приверженность к правилам и распорядку в стенах суда.

Список литературы

1. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
2. Дейк, Т.А. ван. К определению дискурса. - Л.: Сэйджпубликэйшнс, 1998. - 384 с
3. Дейк, Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация [Текст] Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2010. – 39 с.
5. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). - М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 31; 351 с.
6. Дубровская Т.В. Судья: речевое поведение в судебном дискурсе – 2016. – 4; 129-130 с.
7. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник для вузов. — М.: Норма, 2005. — 62; 487 с.
8. Зайцева М.О. Судебный дискурс: речевые стратегии и тактики, языковые средства выражения конфликта «Первый независимый научный вестник» №6, 2016. – 3с.
9. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. – 5-20 с.
10. Ключев Е.В. Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия. М., 2002. – 15 с.
11. Кони, А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Том 4. М.: Юридическая литература, 1967. – 528 с.

12. Косоногова О.В. Динамика развития ономастического пространства англоязычной юридической терминологии: монография / О. В. Косоногова; Центр развития научного сотрудничества. - Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016.
13. Крапивкина О.А. Оппозиция «институциональное vs. персональное» в юридическом дискурсе // Современная наука: актуальные вопросы теории и практики. Гуманитарные науки. № 3. 2012. – 71-74 с.
14. Крапивкина О.А., жанровое пространство юридического дискурса, // Вестник ИрГТУ №1 (84) 2014.– 222 с.
15. Максименко Е.С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем (на материале английской и американской юридической терминологии). Автореф. дис.. канд. филол. наук. Саратов, 2002.
16. Миронова Н.Н. Дискурс- анализ оценочной семантики. - Учебное пособие. - М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 1997. – 158 с.
17. Муццинина М. М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул, 2004.
18. Никифорова Э.Ш. Стратегии коммуникативного воздействия в аргументативно-суггестивных текстах Автореф. канд. дис., Тюмень, 2013. –10; 11; 13 с.
19. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики. - М.: Прогресс, 1978. – 480 с.
20. Палашевская И.В. Жанры юридического дискурса: форматы, сценарии, тексты сб. науч. Тр. Волгоград: Парадигма: 2010. - 28 с.

21. Палашевская, И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность / И. В. Палашевская. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 346 с.
22. Пиголкин, А. С. Язык закона [Текст] / А. С. Пиголкин. – М., 1990. – 65 с.
23. Пыж, А.М. Функционально-прагматические и дискурсивные аспекты использования английской юридической терминологии [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А.М. Пыж. - Самара, 2005.
24. Солдатова А.А. Специфика речевых стратегий в адвокатском дискурсе / А.А. Солдатова // Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты: мат. междунар. науч.-практич. конф. 5–6 июня 2011 г. – Пенза – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. –163-166 с.
25. Солдатова, А.А. Речевые стратегии и тактики адвокатского дискурса в уголовных процессах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2013. – 155 с.
26. Томахин, Г. Д. США: Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 2001. – 576 с.
27. Чуфарова Е.Н. Юридические термины, профессионализмы и профессиональный жаргон проблема разграничения понятий // Право и политика. — 2018. - № 2. – 9-14 с.
28. Gibbons J. Forensic linguistics. An introduction to language in the justice system. - Blackwell Publishing, 2005. – 108 p
29. Huntley 2003 – Стенограммы судебного процесса REGINA v. Ian Huntley and Maxine Carr(2003) // Персональный сайт Б. О’Махони. [Электронный ресурс]. Режим просмотра: <http://www.bernardmahoney.com/forthcb/pdt/hajdocuments.shtml>

30. Irving 2000 – Стенограммы судебного процесса DavidJohnCawdellIrving (claimant) andPenguinBooksLimited, DeborahE. Lipstadt (defendants) (2000) // Персональный сайт Д. Ирвинга. [Электронный ресурс]. Режим просмотра: <http://www.fpp.co.uk>
31. J. Picoult P. TP – Picoult, J. “The Pact” [Электронный ресурс]. Режим просмотра: <https://thepact.bib.bz/>
32. Oscar Pistorius Trial: the full story, day by day [электронный ресурс], Режим доступа – <http://www.theguardian.com/world/2014/oct/21/oscar-pistorius-trial-full-story-reevasteenkamp>
33. Pecheux M., Henry P., Poitou J-P., Haroche C. Uneexemplé'ambiguiteideologique: Le rapport Mancholt // Technologies, Ideologies et Pratiques, 1979. № 1(2). – 8 p.
34. S. Martini M. CE - Martini, S Compelling Evidence [Электронный ресурс] Режим просмотра: <https://7lafa.com/book.php?id=168128&page=94>
35. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford; Cambridge, MA, 1994.– 39 p.
36. SCN – Supreme court of Nevada, Common courtroom phrases // Верховный суд штата Невада, общепринятые фразы в зале суда. [Электронный ресурс]. Режим просмотра: https://nvcourts.gov/AOC/Programs_and_Services/Court_Interpreter/For_Public/Common_Courtroom_Phrases/
37. Shipman 1999-2000 – Стенограммы судебного процесса REGINA v. Harold Shipman (1999-2000) // Сайт с материалами процесса по делу Ф. Шипмана. [Электронный ресурс]. Режим просмотра: <http://www.the-shipmaninquiry.org.uk/trialtrans.asp>

38. Т. Сэпте С. ИСВ – Сэпте, Т. “In Cold Blood” [Электронный ресурс].

Режим просмотра:

http://royallib.com/book/kapote_trumen/In_Cold_Blood.html

39. The undisclosed wiki: evidence from the Adnan Syed case [электронный ресурс], Режим доступа:

<https://www.adnansyedwiki.com/trials/>

40. W. Landay L. DJ – Landay, W. “Defending Jacob”

[Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://royallib.com/book/Landay_William/Defending_Jacob.html